

ВЛАДИМИР
КРИВОНОГОВ

САНАЙ И САРАЦИН.
ИЗЮМИНКА

Кукловод Моря? Уничтожена...

Владимир Кривоногов

Санай и Сарацин. Изюминка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63712561

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-99023-4

Аннотация

Санай, Сарацин, Герасим и Процессор – сталкеры, поисковики и профессиональные авантюристы. Вспоминая былое, они хотят победить друг друга в споре, но даже сказанное вслух, заводит друзей в безвыходную ловушку. Близость аномальной зоны отчуждения, непривычные мутанты и раскрытие тайны бюреров будоражат фантазию навязчивого слушателя, но, как известно, предательство и коварство еще никто не отменял. Четыре сталкера – четыре истории. А старая сковорода фрау Марты еще ждет свою цель...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Владимир Кривоногов

Санай и Сарацин.

Изюминка

Они встретились. Такое случалось и раньше, но нечасто.

Эти четверо крепко пожимали руки друг друга, уважительно прижимаясь плечами и похлопывая по плечу ладонями. Улыбались, балагурили и, конечно же, не опасаясь, завернули в тихий бар под вывеской «Mõnutunne»¹ за пределами передового периметра. Здесь, за кромкой кромешных ужасов Чернобыльской зоны отчуждения, на площадке №13 в секторе ответственности Эстонии был настоящий сталкерский рай.

Пользуясь заторможенной толерантностью местного военного контингента и неожиданной гиперактивностью торговцев и перекупов той же прибалтийской национальности, простые бродяги спокойно выходили к «эстам» для проведения отпуска или мимолетного отдыха, да и все уважаемые сталкерские кланы со временем перенесли сюда свои базы–скобарники². Но не только они – бандиты и наемники тоже.

Именно тут процветал черный рынок оружия, снаряды, а

¹ Mõnutunne – изюминка (эстонский яз.).

² Скобарник – склад, скрытое хранилище (жарг.)

также всех сопутствующих товаров от фонарика до любых индивидуальных приборов защиты и коммуникации, конечно же, здесь лихой народ продавал и покупал артефакты, а также некоторые запрещенные вещицы, не имеющие ни описания, ни систематизации.

– А вы так вдвоем и чалитесь? – хохотнул Процессор, отодвигая стул и усаживаясь за стол с холщовой скатертью – недорогой, но чистой.

Интеллигентный Сарацин, молчаливо улыбнулся в ответ, а его напарник Санай быстро парировал:

– А ты так и бродишь по дикому радиоактивному полю рослым бобылем? Мутантов своими габаритами и интеллектом пугаешь!

– Я, между прочим, всего на восемь миллиметров выше тебя, а это значение в рамках допустимых погрешностей. Можно предположить, что мы с тобой одного роста, в рамках среднестатистических измерений.

Сарацин привычно хихикнул, зная нрав своего друга, он не сомневался, что их всех сегодня ждет веселый незабываемый ужин, плавно перетекающий в завтрак, а бывало и в обед следующего дня. Под заумные разговоры Процессора бывалый снайпер Сарацин иногда засыпал прямо за столом, но проснувшись, всегда наблюдал одну и ту же застывшую картинку.

Происходило так: сидящий в алкогольном ступоре и как будто бы не участвующий в общем разговоре их друг и со-

бутыльник, сталкер—одиночка по прозвищу Герасим молчаливо взирал на спорящих, закусивших удила, переростков — пулеметчика Саная и его вечного оппонента сталкера—следопыта Процессора. Эти заумные недоумки, по мнению Сарацина, не могли успокоиться и все время друг над другом подтрунивали. Поэтому вступать в разговор можно было с любого места, даже если ты последние пару часиков честно провел, уткнувшись обветренной мордой лица в тонко нарезанные куски сала с чесноком или, скажем, в застывший жир, первоначально вытекший из котлеты «по-киевски».

Всегда можно было открыть глаза и, позевывая, кинуть начальную фразу, ни к кому особенно не обращаясь, так сказать, для затравки:

– Да, ладно?

И всегда в таких случаях первым откликнулся Процессор:

– Сарацин, вот скажи, пожалуйста, своему напарнику, что он тупой сапог и ничего разумного понять не в состоянии.

Санай тут же бросался в контратаку:

– Куда уж нам, дурилка, ты заумная! Да как же нам, простым смертным, тебя понять, если ты своим перегревшимся процессором ничего путного сформулировать не можешь.

В этот момент Процессор всегда показывал пальцем на Саная и, преданно заглядывая в глаза Сарацину, риторически спрашивал:

– Вот видишь?

А молчаливый сталкер Герасим в такие моменты непре-

менно оживал, возвращаясь из дымной алкогольной нирваны в не менее дымную алкогольную действительность, и хрипло возвещал:

– Мужики, давайте бахнем!

В общем, все, как всегда, но друзьям такие затяжные посиделки нравились, и никто ни на кого не обижался.

Сегодня встреча четверых товарищей начиналась, как и прежде.

– Пацаны! – по старинке воззвал к друзьям Сарацин. – Давайте сначала закажем хавку и ханку, а потом спорьте хоть до посинения, а то мы с Герасимом сейчас умрем от голодухи, так и не выпив ни граммулечки.

Процессор захлопнул рот и, вдруг повернувшись к стойке бара, громко позвал:

– Фрау Марта, комм зи биттэ! Гив ми цвай литрен водка унд дер закускен. Унд шнеллер, биттэ, майн либэн мэдхен–герл.

– Прямо полиглот, – хохотнул Санай.

Сарацин солидарно хихикнул, и с удовольствием наблюдал за тем, как эстонская официантка, бодро потряхивая знатными ягодицами, быстро приблизилась к столу страшных, по ее мнению сталкеров, и замерла, негромко прошуршав накрахмаленным фартуком, не в силах вымолвить ни слова.

– Гуд! – констатировал данный факт Процессор. – Фрау Марта, нам, биттэ, как всегда. Зер шнеллер принесите нам

две литровых водяры, жареных колбасок «по-баварски», четыре рульки, салатов каких-нибудь там, ну и кружку светлого пива для вот этого интеллигентного седого мужчины.

Иллюстрация Надежды Шубиной

Сарацин с улыбочкой кивнул – пиво он любил больше, чем водку.

– Салатов побольше и еще мясную нарезку, – вставил свою фразу Санай. – Только, Марта, девочка моя, водку и салаты надобно принести прямо сейчас, сию минуту. И вообще, носи все вкусное, у нас сегодня симпозиум. И сала, сала в красном перце тоже.

– Угу, – подтвердил сказанное хмурый Герасим. Он Саная сильно уважал, ну и Процессора, конечно же, тоже, но меньше, потому, что Герасим любил пулеметы, но стеснялся носить своего «Печенег», опасаясь, что его поднимут на смех, и будут сравнивать с Санаем. – Сразу носи, – выдохнул он и замер, захлебнувшись слюной.

– И пиво, – Сарацин прищурился, – А потом сразу еще одну кружку. Только холодного!

Все устало откинулись на спинки кресел, наслаждаясь мирным пяточком винного погребка, вдали от аномального абсурда пылающей Зоны отчуждения.

Трепещущая фигура фрау Марты исчезла, и тут же ментально возникла. Стол начал наполняться снедью, и вынутая Санаем на всеобщее обозрение трубочка сто долларовых купюр, скрепленная резиночкой, придала официантке некое дополнительное ускорение.

– Сейчас пожрем! – радостно протянул Герасим, и хлоп-

нул в свои огромные ладони.

«Симпозиум» обещал перерасти в «щедрый той», он же «итоговый курултай», он же «осенний сабантуй», а также в «праздничный банкет» и заодно в «пламенный корпоратив». Все присутствующие откровенно радовались данному обстоятельству.

– За встречу! – выдохнул Процессор, и небрежно чокнувшись с друзьями, сразу засадил первую рюмку.

Началось...

Собственно говоря, далее события принялись развиваться не по сценарию. Кто-то посторонний нарочито навязчиво похлопал Сарацина по плечу, и неожиданно вежливо кашлянул.

Друзья, уже налившие по второй и, разинув рты для более удобного опрокидывания водки в недра четырех здоровых, хотя и слегка радиоактивных организмов, окаменели от такой наглости. Дело в том, что не каждая птица долетает до середины Днепра, но также верно и высказывание Саная: «Не каждая хамская скотина долетит в сознании до середины кабака после оскорбления Сарацина!»

От природы, не жалующиеся на собственное здоровье и рост, Санай и Процессор, не успев закрыть рты, удивленно вскинули брови, и воткнули подозрительные взоры в розовые щеки и второй лоснящийся подбородок подошедшего толстенького прищельца. А вот громала Герасим повел себя совсем иначе – он молча сгреб мужика гражданской наруж-

ности за грудки, и красиво грохнул его спиной прямо на пол. Неизвестный мужчина взмахнул рукой и, зацепив скатерть, обрушил вниз пару тройку крайних закусок, но главное – ее, запотевшую водочную королеву – початую литровку.

После плотного смачного хруста и грохота Герасим утробно рыкнул непонятный для штатского обывателя боевой клич павиана с некоторой блатной вопросительной интонацией:

– Слышь, эта?!

Мужик немедленно заверещал, неловко сбрасывая с лица петрушку и прилипший кусочек тонко нарезанной ветчины.

– Ты чего со спины к Сарацину подполз? – хмуро пророкотал Герасим, максимально приблизив свою небритую физиономию к блестящим щечкам поверженного и бессильного гостя.

– Сарацинушка, можно я ему ухо отрежу, пока его Герасим держит? – горячо прошептал Санай, одновременно ему подмигивая. – А то теперь надобно все снова заказывать, а я ведь даже вторую рюмку выпить не успел, да и закусить толком тоже. Знаешь, какой я злой? Прямо убил бы этого...

После этих проникновенных слов своего боевого товарища, следопыт Процессор молчаливо достал откуда-то совершенно зловещего вида черный пистолет огромнейшего размера.

– А, давайте этого гада в Зону утащим, на Припять. Могу один его на спине волочь, ради такого случая. Прикольню

будет.

– Вы чего такие дерганые? – криво улыбнулся Сарацин. – Возможно, этот румяный дяденька хотел вежливо поздравить нас с днем десантника, а вы так грубо его зафиксировали на чистой поверхности пола несчастной фрау Марты. Процессор, ствол убери! Правило знаешь? Носить, можно, но скрытно. А тех, кто пистолью машет в общественных местах, ну сам знаешь...

– Найд! Найд! – застучал зубами пленный. – Я репортэр... биттэ. Не надо ин Припятъ, я говорить дело.

– Ты, милоч, нарушил идиллию встречи старых уставших бродяг и нанес нам некий урон, который надо возместить.

– Я понимаю, господа. Готов оплатить. У меня очень интересный предложение к вам четверым. Прошу вас, поднимите меня.

Герасим вопросительно посмотрел на Саная, тот кивнул.

Оказавшись на стуле, толстенький репортер схватился за грудь в области сердца, и тяжело задышал.

Санай с сожалением протянул ему свою кружку пива, и заметил:

– Дяденька, у нас выходной. Деловые предложения мы рассматриваем по будням, заходите во вторник.

Фрау Марта с такой же, как и она, сестрицей-помощницей – красивой процессией возникли из глубины бара, и принялись наводить экстренную уборку. Им не мешали. Все молчаливо взирали на пухленьких, но фигуристых официанток

и разговор не возобновляли.

Грузный журналист пришел в себя и не обманул – расплатился за принесенный заведению ущерб, вновь заказал водку и закуски, но потребовал себе рюмку и столовый прибор.

Друзья были против, но Санай предложил выслушать этого «настырного бюргера». Парни помолчали, а затем открыли новую бутылку – она ничем не отличалась от предыдущей, разбитой. Теперь они не возражали. Этот потный дядька представился журналистом немецкой газеты «Bildzeitung», а заодно и коммерческим агентом этого уважаемого в своей стране издания – даже аккредитацию показал.

Звали его Гюнтер, а по фамилии Беккер.

Сарацин кивнул – остальные хихикнули. Гюнтер так Гюнтер, чокаться с ним не стали. С каждым чокаться – алкашом станешь.

– Уважаемый камрад, – начал Процессор. – Мы даем вам три минуты, а потом Герасима с цепи спустим. Вы уж постарайтесь четко излагать свои мысли. Ферштеен?

Герасим подыграл, сдвинул брови, и заворчал:

– Если я его задену, у него голова лопнет. Процессор, можно я сразу его стукну? Зачем откладывать на потом?

– Хорошо, хорошо, я вас понял. Бить меня не надо, сначала послушайте, а потом решайте, что делать.

– О, как ты оказывается здорово по-русски шпрехаешь, когда захочешь! – оценил Процессор. – Притворялся что ли?

Немец кашлянул. Он по-прежнему не мог отойти от только что выпитых ста грамм водки.

– Видите ли, наш журнал и на русскоязычную аудиторию вещает, а еще у нас своя радиостанция есть и сайт на трех языках.

– Блин, – перебил немца Герасим. – Походу так трезвонькие и останемся.

– Я буду краток, – журналист недовольно посмотрел на этого большого и, по всей видимости, тупого сталкера и продолжил. – Наш медиаконцерн предлагает всем вам, рассказать самую странную и сокровенную историю, возможно страшную, возможно невероятную, которая наверняка случилась с каждым из вас. Я поясню: в связи с расширением территории Зоны отчуждения, у нашей читательской аудитории закономерно возрос интерес ко всему, что касается сталкеров и мутантов.

– А что нам за это будет? – прищурился Процессор, почувший легкие деньги.

– По тысяче евро каждому и суперприз победителю.

– Интересно, – протянул Санай. – Есть у меня одна такая парадоксальная история. А что за приз?

Розовощекий толстяк хитро улыбнулся, и ответил:

– Вам понравится...

Он потянулся к своей сумке, и торжественно водрузил на стол, блеснувшую толстыми манящими боками невероятной красоты бутылку виски.

– Это редчайший «Эдрадауэр Фэйри Флаг» тридцатилетней выдержки. Сорока шести процентный крепчайший напиток, а емкость, сами можете видеть, семьсот миллилитров. Добавлю, что данная амброзия произведена в местечке Хайленд, Шотландия.

– Круто, – покачал головой Сарацин. – Этот дяденька умеет взять за живое. И каково же это пойло на вкус?

Журналист, не понимая начал поворачивать голову из стороны в сторону:

– «Пойло», что значит «пойло»?

– Не прикидывайся, – строго предупредил Процессор. – Этим словом называют дешевую паленую выпивку, от которой можно ослепнуть, а то и личный курвиметр отсохнет, а еще бывает, не ровен час, ласты склеишь: слепой, пьяный и без мужского достоинства. Жуть кромешная.

Санай звонко и от души рассмеялся, его друг и напарник, Сарацин незлобиво усмехнулся, Процессор покачивал головой, прищулив левый глаз, на Герасима никто не обратил внимания – он закрыл глаза и замер.

Немец вдруг отрицательно и очень энергично замотал головой, при этом размахивая руками:

– Что вы, что вы! Я не могу себе позволить открыть бутылку такого класса. Она очень дорогая. Признаюсь, я даже не мечтал об этом.

– Вот врет! – восхитился Санай. – Даже бровью не повел! Ну, да ладно, сейчас замахнем, и я могу начать первым.

Страшных историй у меня много, но вот, что бы с изюминкой, так сказать, с непонятной чертовщинкой, такая, пожалуй, одна.

– Дружище, минуточку! – Процессор почесал щетинистый подбородок, и вдруг заявил. – Если этот дядя прямо сейчас, не положит на этот стол четыре тысячи евро налом, то я предлагаю не ласы точить, а вывести его из этого почтенного заведения и придать ему некий вектор движения, путем нанесения небольших побоев. Например, пинком по упитанному заду сапогом сорок шестого размера. Да, Гера?

– Ага, – радостно мотнул головой Герасим. – Гы-гы-гы, это у меня запросто.

Немец издал продолжительный выдох поперанной несправедливости, и внезапно посмотрев по сторонам, выложил из прежней сумки плотенький сверток.

– Если хотите, можете пересчитать...

– Естественно, – улыбнулся Санай всеми зубами сразу. – Ты нас за девочек-первоклассниц что ли тут держишь? Видали уже виды, причем всякие. Процессор считай!

Многого времени это не заняло.

Процессор хохотнул и к удивлению иностранного журналиста, убрал деньги в свой рюкзак.

– Э...

– Уважаемый хер Гюнтер, – заявил Сарацин. – Мы свои обязательства после заключения сделки не нарушаем, и собственных клиентов никогда не обманываем. Наши истории

вы получите. Санай наливай и начинай свой рассказ, а я, пожалуй, буду следующим.

Санай быстро и чуть небрежно наполнил рюмки, и провозгласил тост:

– Немного не по теме. Предлагаю выпить за редкое прояснение генерал-майора Усманова. Был у нас такой замечательный военный с мордой бывалого сантехника после второго кодирования. Это именно он сложил на века великую эпитафию: «Пить каждый день тяжело, а через день – ждать долго!» Заметьте, подписываюсь под этими словами. Ну, будем!

Друзья выпили быстро и смачно, а немец медленно и без видимого удовольствия. Закусили сразу, а Герасим жевал громко и с хрустом. Видать хрящик какой-то в холодце попался.

Санай улыбнулся своим мыслям и, обращаясь к немцу, спросил:

– Гюнтер, ты легенды древней Эллады в детстве читал? Нет? Странно. Но тогда послушай мою историю, а причем тут древняя Греция потом поймешь. Не знаю, тянет ли моя история на штуку евриков, но раз уже оплату мы получили, то будем считать, что тянет. А вот за главный приз придется побороться. Только, пацаны, давайте сразу договоримся – не врать. Только честная история с харизмой или как говаривали в старину «с изюминкой».

Народ согласно кивнул.

Сначала Процессор хотел съязвить что-то возможно остроумное по этому поводу, но вдруг почесал левую бровь, и снова кивнул:

– Справедливо!

Санай улыбнулся, и продолжил свой рассказ, как дед на завалинке:

– Ну, тады, полоротые, слушайте.

Немец Гюнтер поперхнулся томатным соком и сразу вмешался:

– Господин Санай, я попросил бы вас говорить на понятном мне русском языке.

Все недовольно посмотрели на журналиста, а Санай вдруг заявил:

– Доставай уже свой диктофон, клади на стол и не придуривайся. У нас требование одно – никаких фамилий и имен, а текст у себя в штаб-квартире потом разберешь, если сможешь.

Процессор и Сарацин противно захихикали, и даже Герасим хмыкнул, прищурившись.

Гюнтер почувствовал себя полным идиотом, но подчинился – достал из сумки небольшое электронное устройство с крупным сеточным микрофоном.

– И никаких публикаций! – спокойно сообщил Процессор. – Ферштеен?

Журналист быстро кивнул и почему-то зажмурился. Он был совершенно уверен, что его будут бить за наличие

скрытного звукозаписывающего устройства.

– Обязательно будут, – тихо прошептал Герасим и подмигнул, округлившему глаза Гюнтеру.

Санай звонко смеялся, затем успокоился, отдышался и продолжил повествование:

– В конце сентября это случилось – пару лет назад. Сарацин тогда на малую родину укатил по семейным обстоятельствам, вот я и решил в одиночку прогуляться, по старым лужайкам, так сказать.

Кстати, по древней привычке в Зону зашел с южного кордона. Там место повыше и идти легче, а то дождь до этого две недели лил. Болото поднялось и к местным придуркам идти не хотелось, хотя несколько делишек у меня там были.

– Простите, – перебил рассказчика Гюнтер. – А кто такие эти ваши «местные болотные придурки»?

Неожиданно ответил на вопрос Сарацин:

– Уважаемый, если вы будете нас перебивать на каждом слове, то мы до призового вискаря никогда не доберемся.

– Простите, но...

– Слышь, Шрайбикус, все вопросы потом, – угрожающе придвинулся к журналисту Процессор. – Или будешь лежать на полу дослушивать.

– Так вот. Ну, представляете да? – продолжил Санай. – Обычная обстановка. Замечательное обычное утро, туман, слепые псы воют, снорки где-то недалеко рычат, аномалии нет-нет, да и взрываются, слева скрипит что-то, как будто бы

нервы струной натянуты. А я иду один, все виды сканирования включил, богу помолюсь и чапаю по сырому миру без горизонта, снова помолюсь и вперед зигзагом. Час иду, два иду. Слышу, стреляют где-то мать их. Я присел на корточки. Ну, рядом совсем! Пацаны, представляете, десяток автоматов друг по другу лупят, как оголтелые. Сами посудите, мне это надо?

Я же в поле один – Сарацинушка в увольнении, тоскливо немного на душе. Я своего «печеньку» проверил, извините, «Печенега» и дальше побрел. Смотрю, что-то искрит под кустом – незнакомо искрит, волнами.

Как будто бы материя искривляется или пространство-время. Это, как кому удобно. Я обрадовался сначала! Вот, думаю, в предбаннике «рарик» отхватил, а потом думаю, это "ж-ж-ж" неспроста, а что не так, не пойму. Отметка артефакта на детекторе мигает каким-то невиданным фиолетовым цветом, а должна-то, хоть бы и двигаться, но гореть ровно

Вот тут я и призадумался, а размышляю так – Сарацин умотал, а я как дурак в зев ужаси непонятной смотрю. И, как ошпарило. Думаю, а и хрен с ним, не полезу в кусты эти гребаные. Был бы Сарацинушка рядом, мы бы что-нибудь придумали, а так страх под ложечкой зашевелился, прям оторопь леденистая. Отвернулся, пошел от греха подальше, еще подумал, что эта жар-птица и обжечь ненароком может. Не, пацаны, я же не лошара – отметочку с координатами ди-

ковинки на тактическом дисплее все-таки проставил, на будущие времена.

Иду дальше, размышляю.

Перестрелку чужую обогнул втихаря и на свалку через железнодорожную насыпь шасть. А ведь увидели меня гады на взорванном мосту. Вояки «хохлятские» давай палить по мне почем зря. Я уж отполз давно метров на шестьдесят, прикалываюсь над ними, как они насыпь огнем поливают. Похихикал в кулачек и дальше по-пластунски преодолел соточку метров для гарантии.

Процессор удивленно округлил глаза, недоверчиво вскинув брови.

Санай заметил реакцию товарища и прокомментировал:

– Там слева, за насыпью бандосов заметил. Морд пять-шесть. Смотрю, а они, пользуясь стрелковым весельем часовых, к ним под упорным бруствером насыпи подбираются. Вот я и решил с линии будущего огня уползти, если бы вояки по черным плащам долбить начали. Честное слово, метров сто дальше по ложбинке локтями работал – запарился капитально.

Процессор оценил пояснения Саная и теперь кивнул с пониманием ситуации. Даже, как-то так одобрительно это сделал, мол, я бы, наверное, также бы поступил.

Санай протянул руку к полной рюмке, резко выпил, закусил, чем под руку подвернулось, и продолжил. Его голубые глаза сверкнули в полумраке эстонского кафе, видимо

вспомнил всю эту историю и даже заволновался, что ему могут не поверить.

Немец Гюнтер почувствовал холодок, разлившийся по спине вдоль позвоночника снизу доверху. Еще подумал о том, что этот в принципе не старый, но и немолодой мужчина – вот так вот запросто бродит по дикой аномальной зоне отчуждения, да еще посмеивается над чем-то. Что там может быть смешного?

Журналист даже сглотнул не весть, откуда взявшийся в горле комок. Он бы не пошел в эту мутирующую зону, ни при каких обстоятельствах!

Рассказчик хитро подмигнул ему и продолжил:

– Ушел я от них всех. Только в грязи извалялся изрядно. Даже в рот глины набилось. Пропетлял по свалке, обходя десятки аномалий. Там и мясорубки, и трамплины, жарки и электры, а ржавых волос столько за летний сезонросло, что только и смотри, чтобы не вляпаться в их уродливые веревки или не вдохнуть споры этих монстров. А так все нормально, за три часа аккуратного передвижения свалку покинул. Решил нигде не задерживаться, а махнуть на «Янтарь» к яйцеголовым очкарикам.

По пути выводок кровососов видел, рыщут твари голодные, завтракать хотят. Я им гранату Ф-1 кинул, чтобы тусоваться веселее было, а сам за подвернувшийся бетонный забор шархнул. Пришлось пробежку сделать легкой трусцой. Бегу пулеметом брякаю, оглядываюсь изредка. Вдруг

детектор задержался, я глядь на экран, а там опять фиолетовая точка мерцает. Я встал, как вкопанный. Незвестный артефакт пульсирует между двумя аномалиями. Слева марево мясорубки, а справа метровая воронка гравиконцентрата.

Блин, что за наваждение? Опять неизвестный артефакт невероятной красоты. Очень смахивает на тот, что на кордоне попался. Я метку на ПДА поставил и дальше почапал. Раз уж в первый раз на наживку не клюнул, то и во второй раз не собирался. Тем более, я же погулять пошел, развеяться, а самостоятельно засовывать ноги в кипящий жир не было резона.

Если чуть-чуть сократить мою историю, то скажу так, до «Янтара» я дошел спокойно. По двум обмороженным бандитам по тихой грусти пришлось пару раз садануть из "печеньки", а так все мирно было: мутанты бегают на отдалении, воюки на блокпостах изнывают от похмелья и безделья, бандиты нашего брата, сталкера поджидают, чтобы ограбить, бродяги одиночки попадались. Короче, обычный понедельник – все заняты своими делами.

Так вот, уже, будучи на «Янтаре» на пригорке я в третий раз заметил этот пресловутый артефакт. Теперь он вращался и был на совершенно свободном пространстве, ни тебе кустов, ни тебе опасных аномалий. Прямо, подходи, бери и все тут. А вы же, пацаны, меня знаете, я такой мнительный. Два раза не взял добычу, а тут она на тарелочке с голубой каемочкой – соблазн дикий, но это же в третий раз. А таких совпаде-

ний не бывает! Я аккуратно так окрестности прозондировал – никого. Бинокль достал, параллельный склон внимательно изучил, затем бетонное оборонительное сооружение полевой научной лаборатории – даже часовых «долговцев» не видать. Одни тучи наползают, низкие такие, тяжелые, с дождем.

Постоял еще минут пять-шесть, любуясь внезапными переплетениями энергетических всполохов внутри артефакта. Впал в настоящий ступор.

Потом оказалось, что я больше часа пялился на диковинку, а из забытья меня зуммер ПДА вывел. Я медленно поднимаю руку и читаю сообщение от Сарацина: "Доехал нормально. Маме привет передал. Сон приснился! Не оборачивайся и ни при каких обстоятельствах никому не отвечай. Пояснить не могу".

Я отступил на несколько шагов, отвернулся от этого волшебства и пошел к обломкам вертолета. Пацаны, вы знаете этот древний вертолет? От забора очкариков метрах в пятистах стоит, лопастями земли касается. Там еще снорки часто встречаются и зомби кучками бродят.

Друзья согласно кивнули, при этом Герасим разлил водку по рюмкам и сказал:

– Бывал там. Плохое место. За тех, кто не с нами.

Все ни чокаясь, выпили. Гюнтер непонимающе поглядывал на своих интервьюируемых, протягивая руку с рюмкой.

– Пей уже, дебил.

Процессор, хмыкнув, похлопал Герасима по плечу и, рас-

тянув губы в тонкой улыбке, попросил:

– Герка, дружище, не надо оскорблять нашего работодателя! Он же тупой и нашу «балду» не вкуривает.

Сталкеры снисходительно посмеялись над немцем с этой грустной горчинкой, которую Гюнтер понял по-своему. Он подумал, что просто в их глазах является абсолютным чужаком. Он еще не мог определиться со своими ощущениями. Совершенно очевидно, что Саная он уже уважает, да и неразговорчивого Сарацина, пожалуй, тоже, а вот Процессор и Герасим – типы явно неприятные. Наверняка эти четверо за многие годы нахождения в Чернобыльской зоне народа разного без суда, следствия и Европейской справедливости поубивали. Ведь они же все убийцы и вне закона!

Гюнтера передернуло от своих же мыслей, но водку выпил, торопливо разыскивая вилкой в большой тарелке с мясной нарезкой кусок буженины.

Процессор тоже по-своему истолковал неуклюжие действия немца:

– Не ссы, прорвемся! Санай, продолжай.

Рассказчик открыл глаза:

– Я, когда прочитал сообщение Сарацина, подумал, что братка волнуется за меня. Наверное, пива в поезде напился, вот и сон тревожный приснился. Короче, сначала не придал значения его записке. А потом...

Санай замолчал.

Сталкеры терпеливо ждали, когда их друг соберется с

мыслями и продолжит свой рассказ, а Гюнтер опять не к месту заерзал, и даже посмотрел на наручные часы.

— А потом я почувствовал всем своим естеством, что у меня за спиной кто-то или что-то есть, и этот кто-то дышит. Низко так и утробно. Я изготовился к стрельбе и уже собрался обернуться и только тут заметил, что кругом в высокой траве свежие трупы в полном снаряжении. Здесь полеживали и бродяги, и вояки, и бандиты и даже парочка ученых в легких оранжевых комбезах, как у космонавтов. Поразило меня то, что дорогая снаряга и серьезное оружие на месте, а главные лица! Лица серые и потрескавшиеся, как будто бы каменные. Я быстро перепрыгнул сразу через двоих покойников, и уже хотел повернуться навстречу опасности, но тут вспомнил предостережение Сарацина и замер. В Зоне бывает всякое и знаки, которые подает нам судьба, очень часто мы просто не замечаем, но вы же знаете, какой я мнительный. Стою спиной к врагу, как истукан и не могу заставить себя обернуться. От ужаса волосы на затылке под шлемом шевелятся, а я стою, и стою.

А оно рядом, но меня не касается, дышит, недовольно рычит, но видимо чего-то ждет, и не убивает! Хотя у этой твари были тысячи шансов для этого. Моя открытая красивая спина готова, хоть стреляй в нее, хоть грызи, хоть режь, хоть трави. Я решил так, бежать некуда, эта мерзость меня все равно догонит, это ее мир, она здесь живет, а я для нее пришелец и возможно еда. Если уж она меня не убила сразу, то

попробуем, как-то выкрутиться из создавшейся задницы.

Раздавшийся хриплый рассерженный голос заставил меня вздрогнуть:

– Почему ты, смерд, не принял мои дары?

Я ахнул, со мной разговаривала женщина! По ощущениям не милая девочка, но и не дряхлая старуха. Как мне показалось, голос принадлежал этакой избалованной стервозной бабешке лет тридцати или чуть старше.

– Посмотри мне в глаза и ответь! – сразу взяла быка за рога моя собеседница.

И вот тут все встало на свои места. Я подумал, что если не послушаюсь предостережения Сарацина, и обернусь, то немедленно лягу рядом с этими бедолагами, такой весь серый, неподвижный и с растрескавшейся рожей.

Сразу после этих слов своего напарника снайпер Сарацин не удержался и хихикнул.

– Вот-вот! – подхватил Санай. – Тогда-то я и начал Ваньку валять.

– Я представляю...

– Ага! А дальше так было. Я стою, перевариваю, весь в сомнениях и дилеммах, а эта дура тон сменила и говорит:

– Ну, что же ты, милый, не хочешь посмотреть, какая я красавица!

И тут я решил, что оглядываться не буду, а вот поболтать с дамой, пожалуй, решусь. Дальше состоялся примерно такой диалог:

– Ну, почему ты такой нерешительный? Я здесь скучаю, скучаю, никто не идет. А ты такой высокий и мужественный.

– Как тебя звать-то хоть, красавица?

– Моря, – обрадованно откликнулась тварь. – А тебя как?

– Друзья Санаем кличут.

– Какое смешное имя!

– Это производное от "Саныч". Меня так еще в школе звали-величали. А чего здесь столько покойников, Моря?

– Обернись – скажу.

– Ты тетенька совсем дура? Что я там не видел?

Видимо мутирующая сущность утомилась разговаривать. Тварь попыталась обойти меня справа – я боковым зрением заметил, что за плечом что-то шевелится, поэтому я немного повернул корпус, оставляя свою собеседницу вновь точно за спиной. А ей, между прочим, это не понравилось, она как заорет:

– Почему?! Почему ты не принял мои дары?!

– У нас на базе один пьяненький кладовщик также вопил проверяющему из центра, а потом загремел в места, не столь отдаленные за хищения в особо крупных размерах и попытку дачи взятки государственному ревизору, находящемуся при исполнении своих непосредственных служебных обязанностей. Так что увольте – я взяток не беру.

Тварь вскипела:

– Если ты не выполнишь мою волю, я тебя уничтожу.

– Ах, оставьте, дамочка! Был у нас такой первый замести-

тель в одной войсковой части, генералом мечтал стать. Также всем подчиненным орал на совещаниях и даже увольнял людей, но сам кончил плохо.

– Ты глупый и ничтожный!

– Девонька, мы уже это проходили! Когда-то давным-давно было у меня одно хитрое свирепое начальство. Целый заместитель начальника отдела! Он всем без устали вдалбливал в голову, что мы глупые и ничтожные. На деле же он оказался самым тупым и недалеким, но в мстительности ему, пожалуй, не откажешь. Кстати, тоже плохо кончил. Когда начальник тупой, и заместитель идиот – вот это беда!

Внезапно голос рассерженной тетеньки сменился тяжелым львиным рыком:

– Я убью тебя, омерзительный человечиска!

– А чего мы ждем, стервь ты в бигудях?

После этих слов я прочно решил бросить за спину гранату, но решил повременить, пока не выберу себе подходящий окопчик или достойную ямку. У меня к тому времени спина нестерпимо чесалась от пота, но не до такой степени, чтобы чесать ее осколками от любимой Ф-1.

И тут я вспомнил, что могу посмотреть на это исчадие Зоны в отражении, только вот походное зеркальце я по случайности на нашей базе оставил, когда брился перед походом. Но! На каждую пещеру с хитрой резьбой есть болт с левой нарезкой! Вот же он! Просевший на брюхо вертолет! А у него отчетливо сохранились стекла лобового фонаря ка-

бины и парочка боковых иллюминаторов. Туда я и рванул, перепрыгивая трупы и металлический ржавый мусор.

– Стоять! – заверещал за спиной надрывный крик. – Я кому сказала!

– Ты мне больше не жена! – в ответ крикнул я. – Требую развода!

Подбежав к обтекаемому корпусу мертвого и унылого Ми-8, я вновь ахнул! На грязных и мутных поверхностях воздушного работяги в отражении я увидел... это...

Даже Гюнтер застыл с открытым ртом, он давно забыл, что вилка с нанизанными на нее маринованными корнионами не дошла до конечной точки, но и все остальные сидели, как окаменевшие, но не потрескавшиеся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.